

УДК – 894.321(71)

ТИПЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ РАССКАЗЕ

Джемилева А.А.

В статье рассматриваются проблема повествования, типы повествования и их выражение в малой эпической форме. На материале рассказов современного крымскотатарского писателя Таира Халилова «Фесильген кьокьусь» («Запах базилика») и «Чал атым» («Мой чалый конь») делается попытка осмысления типов повествования.

Ключевые слова: повествование, типы повествования, повествователь, рассказчик, автор, первое лицо, третье лицо.

Цель нашей работы – раскрыть тип повествования от третьего лица, рассмотреть способы его проявления в современном крымскотатарском рассказе.

Актуальность выбранной темы связана с её неизученностью в национальном литературоведении. Поскольку крымскотатарская новеллистика чётко выраженному нарративному анализу не подвергалась, данная работа является апробативным исследованием. В статье лишь намечены некоторые аспекты, по которым впредь могли бы проводиться исследования.

Для того, чтобы разобраться в формах художественного повествования необходимо уяснить сам термин «повествование». Прежде всего отметим, что для отечественного литературоведения традиционна форма «повествование», а не «наррация» [11, с. 340]. По этой причине и мы в своих исследованиях будем придерживаться аналогичной точки зрения.

Понятие **повествование** в широком смысле подразумевает общение некоего субъекта, рассказывающего о событиях субъекта с читателем и применяется не только к художественным текстам. Очевидно, полагает Н.Д. Тамарченко, следует прежде всего соотнести повествование со структурой литературного произведения. При этом нужно разграничивать два аспекта: «событие, о котором рассказывается», и событие самого рассказывания» [10, с. 300]. По мнению большинства учёных, термин «повествование» соответствует исключительно второму «событию».

А.П. Чудаков определяет повествование как «весь текст эпического литературного произведения за исключением прямой речи (голоса персонажей) могут быть включены в повествование лишь в виде различных форм несоб-

ственно-прямой речи). В повествовании выделяется описание, рассказ о событиях (иногда повествованием называют только его), рассуждение» [14]. В.А. Сапогов исходит из сходной трактовки повествования: это «в эпическом литературном произведении речь автора, персонифицированного рассказчика, сказителя, т. е. весь текст, за исключением прямой речи персонажей. Повествование, которое представляет собой изображение действий и событий во времени, описание, рассуждение, несобственно-прямую речь героев, – главный способ построения эпического произведения...» [9, с. 280].

Авторы работ, посвящённых классификации видов повествования, – как в русском, так и в западном литературоведении – сам термин повествование никак не оговаривают [6].

Кроме того, различаются рассказ о событиях одного из действующих лиц, адресованный не читателю, а слушателям-персонажам, и рассказ об этих же событиях такого субъекта изображения и речи, который является посредником между миром персонажей и действительностью читателя. Только рассказ во втором значении следует при более точном словоупотреблении – называть «повествованием». Например, вставные истории в рассказах Таира Халилова «Биринджи кьар» («Первый снег»), «Чимган дагъларында» («В горах Чимгана»), Сабрие Сеутовой «Ишанч, Умют ве Севги» («Вера, Надежда, Любовь») считаются таковыми именно потому, что они функционируют внутри изображенного мира и становятся известными читателю благодаря основному рассказчику, который передаёт их читателю, обращаясь непосредственно к нему, а не к тем или иным участникам событий.

Попытку обоснования необходимых разграничений находим в фундаментальном труде Ж. Женетта «Повествовательный дискурс»: «В своём первом значении *recit* обозначает повествовательное высказывание, устный или письменный дискурс, который излагает некоторое событие или ряд событий. Во втором значении *recit* обозначает последовательность событий, реальных или вымышленных, которые составляют объект данного дискурса, а также совокупность различных характеризующих эти события отношений следования, противопоставления, повторения и т.п. В третьем значении, учёные полагают, что наиболее архаичном, *recit* также обозначает некое событие, однако это не событие, о котором рассказывают, а событие, состоящее в том, что некто рассказывает нечто, – сам акт повествования как таковой» [6].

В научной литературе разграничениям такого рода специального внимания не уделяется; более того, господствует тенденция к растворению различий и расширительному пониманию терминов. Так, в монографии В. Шмида «Нарратология» противопоставляются «классическая теория повествования», в центре внимания которой, – «посредник между автором и повествуемым миром», и

«структуралистская нарратология», для которой главный признак повествования – «определённая структура излагаемого материала», а именно «атемпоральная» структура «истории», «изображение события» [15, с. 11-13]. Повествование, – пишет учёный, противопоставлявшееся непосредственному драматическому исполнению, связывалось с присутствием в тексте голоса опосредующей инстанции, называемой “повествователем” или «рассказчиком» [15, с. 11].

При избранном нами подходе, дифференцирующем «акты рассказывания» в зависимости от их адресата, категория повествования может быть соотнесена с такими различными субъектами изображения и их речи, как *повествователь*, *рассказчик* и «*образ автора*». Общей для них является посредническая функция, и на этой основе возможно установление различий.

Наиболее важной представляется проблема **повествователя** и **рассказчика**. Литературоведы предлагают несколько путей её решения. Первый и самый простой – противопоставление двух вариантов освещения событий: 1- дистанцированного изображения безличным субъектом персонажа, именуемого в третьем лице, и 2- высказываний о событиях от первого лица, как правило, участника событий. «Персонифицированных повествователей, высказывающихся от своего собственного, «первого» лица, естественно назвать рассказчиками», – считает В.Е. Хализев [1, с. 236]. Литературоведы Р. Уэллек и О. Уоррен также полагали, что рассказчик легко отличим от автора именно благодаря форме от первого лица, а третье лицо они связывали с позицией «всеведущего автора» [13, с. 239-240].

Как показывают специальные исследования, между типом речевого субъекта и названными двумя формами повествования нет прямой зависимости: «В повествовании от третьего лица может выражать себя или всезнающий автор, или анонимный рассказчик. Первое лицо может принадлежать и непосредственно писателю, и конкретному рассказчику, и условному повествователю, в каждом из этих случаев отличаясь разной мерой определённости и разными возможностями» [6; 5].

Выделим функции повествователя и рассказчика. Повествователь – тот, кто сообщает читателю о событиях и поступках персонажей, фиксирует ход времени, изображает облик действующих лиц и обстановку действия, анализирует внутреннее состояние героя и мотивы его поведения, характеризует его человеческий тип, не будучи при этом ни участником событий, ни – что ещё важнее – объектом изображения для кого-либо из персонажей. Специфика повествователя определена положением «на границе» вымышленной действительности.

Здесь необходимо подчеркнуть, что повествователь – не лицо, а функция. Но функция может быть прикреплена к персонажу – при том условии, что персонаж в качестве повествователя будет совершенно не совпадать с ним

же, как с действующим лицом. Невидимое присутствие – традиционная прерогатива именно повествователя, а не рассказчика.

Повествователь, в отличие от автора-творца, находится **вне лишь того изображённого времени и пространства**, в условиях которого развёртывается сюжет. Поэтому он может легко возвращаться или забегать вперёд, а также знать предпосылки или результаты событий изображаемого настоящего. Но его возможности вместе с тем определены из-за границ всего художественного целого, включающего в себя изображённое «событие самого рассказывания».

Повествователю противопоставляется рассказчик, который находится не на границе вымышленного мира с действительностью автора и читателя, а целиком **внутри изображённой реальности**. Намечается ещё одна отличительная особенность между повествователем и рассказчиком: если повествователя внутри изображенного мира никто не видит и не предполагает возможности его существования, то рассказчик непременно входит в кругозор либо повествователя, либо – персонажей – слушателей рассказа.

Итак, рассказчик – субъект изображения, достаточно объективированный и связанный с определённой социально-культурной и языковой средой, с позиций которой он и изображает других персонажей. Повествователь же, напротив, по своему кругозору близок автору-творцу. В то же время по сравнению с героями – он носитель более нейтральной речевой стихии, общепринятых языковых и стилистических норм. Чем ближе герой автору, тем меньше речевых различий между героем и повествователем.

Таким образом, «посредничество» повествователя помогает читателю прежде всего получить более достоверное и объективное представление о событиях и поступках, а также и о внутренней жизни персонажей. «Посредничество» же рассказчика позволяет войти внутрь изображенного мира и взглянуть на события глазами персонажей. Третий – промежуточный вариант – когда автор-творец стремится уравновесить внешнюю и внутреннюю позиции. В таких случаях образ рассказчика и его рассказ могут оказаться «мостиком» или соединительным звеном.

Художественной литературе доступны разные способы повествования. Одной из наиболее распространённых форм эпического повествования является *рассказ от третьего лица*. Повествование от третьего лица имеет свои преимущества в изображении внутреннего мира. По мнению А. Есина, это именно та форма, которая позволяет автору без всяких ограничений вводить читателя во внутренний мир персонажа и показывать его подробно и глубоко [3, с. 240].

Повествование от третьего лица имеет преимущества и в изображении художественного времени. Такой тип повествования наиболее свободно обращается с художественным временем: оно может подолгу останавливаться

на анализе скоротечных психологических состояний и очень кратко информировать о длительных периодах, не несущих психологической нагрузки. Наконец, психологическое повествование от третьего лица даёт возможность изобразить внутренний мир не одного, а нескольких персонажей, что при другом способе делать гораздо сложнее.

В рассказе Таира Халилова «Фесильген кьокьусы» («Запах базилика») повествование ведётся от третьего лица. Автор-повествователь раскрывает перед нами небольшой отрезок из жизни героя Сеитя ага. Он живёт один, сыновья женились, дочь вышла замуж. За них сердце спокойно, не переживает. Сеитя ага тревожится о последнем, младшем сыне. Проводил сына в армию, но тоска по сыну сдавливала сердце. Здесь автор подчёркивает чувство любви к сыну, гордость отца.

Повествование незаметно переходит к самому герою: «Тёплая комната и горячий кофе погрузили в размышления». Причём автор никак не выделяет слова, принадлежащие Сеитя ага от слов повествователя. Но мы явственно чувствуем, что это мысли героя, а не повествователя. *«Ах, ты старость! Правильно, что этот настоящий мир называют обманчивым. Кто бы мог подумать, что он доживёт до этих дней! Если бы ему пятьдесят лет назад сказали об этом, он бы не поверил. Чего только не видел, чего не перенёс».* Следующее предложение – это слова повествователя (автора): *«Огонь и ветер войны сломали весь народ»* [16, с. 151].

Писатель показывает безграничность любви Сеитя ага к сыну. Идея рассказа растворена в образе отца и сына, и между ними никогда не прерывается связь. В каждом письме отец посылал сыну веточку засохшего базилика, который рос возле дома. Образ базилика – это вечная связь времен, связь поколений. Базилик – символ памяти, надежды, веры.

Но старик не смог дождаться младшего сына из армии. *«Рефат не успел увидеть в последний раз доброе, дорогое лицо отца. Оставшись один на свежей могиле отца, он горько заплакал. Да и отцовская последняя мечта угасла при воспоминании о младшем сыне...»* [16, с. 153].

Финал рассказа эмоционально и психологически точен, заставляет нас задуматься над величайшей проблемой – проблемой жизни и смерти. Таким образом, писатель удачно нашел “авторскую” форму, в которой воплотил свои интенции, провел тончайшую работу для раскрытия внутреннего мира героя, показал силу его характера. Так, находящийся вне текста повествователь, даёт достоверное и объективное представление о жизни героя.

Не менее интересно построение повествования в рассказе «Чал атым».

Повествование ведётся в традиционной манере – от третьего лица. лица автора. Сюжет рассказа несложен. Главный герой произведения – пожилой

человек Абляким ага. На свадьбе он вспоминает события, которые произошли 32 года назад. Эти воспоминания составляют основной композиционный стержень. Как видим, рассказ охватывает большой временной промежуток. Подчеркнём, что при таком способе повествования для автора нет тайн в душе героя: он знает о нём всё, может проследить детально внутренние процессы, объяснить причинно-следственную связь между впечатлениями, мыслями, переживаниями.

Писатель повествует о юношеских годах героя. *«В те далёкие годы, Абляким был ещё подростком. Ему очень нравилась девушка Инджифе. Но он был простым табунициком лошадей и мог об этой девушке только мечтать. Абляким смотрел за лошадьми, но особенно ему нравился чалый конь, который всегда ему покорялся. Подросток любил чалого, этому коню в конюшне не было равных. Вместе с ним пас коней более старший по возрасту Решат, который тоже любил Инджифе».*

Писатель правдоподобно описывает события, при которых он не присутствовал, во всяком случае внутри текста его нет. Такое изложение предоставляет выбранный им тип повествования от третьего лица. Повествователь комментирует течение психологических процессов и их смысл как бы со стороны, рассказывает о тех душевных движениях, которые сам герой не замечает или в которых не хочет себе признаться. *«Когда Абляким узнаёт, что Решат женится на Инджифе, это вызывает досаду и обиду героя. После свадьбы, Абляким не знал, куда себя деть, сердце его колотилось, душа горела огнём. Сам не заметил, как пришёл в конюшню. Быстро нашёл своего чалого коня и, прижавшись к гриве, горько заплакал. Кому он мог сказать о своей любви к Инджифе? Кто бы ему поверил? Писатель мастерски рисует перерождение героя: «Он улыбнулся, глядя на восходящее солнце, затем посмотрел на мир совершенно серьёзным и взрослым взглядом».* Глубокомысленное замечание автора проясняет суть происходящего: *«В эту ночь Абляким простился со своим детством»* [16, с. 137]. Оригинальная форма подачи материала вызывает сопереживание герою, а вместе с тем помогает прояснению идеи. А воспоминания героя позволяют окунуться в атмосферу произведения, почувствовать дух того времени и проникнуться сочувствием и пониманием к нелёгкой доле героя.

Таким образом, можно прийти к следующему **выводу**: повествование в произведениях Таира Халилова «Фесильген кьокьусы» («Запах базилика») и «Чал атым» («Мой чалый конь») мы можем определить как повествование от третьего лица. Писатель облачил свою точку зрения в верно найденном типе изложения событий, который позволил раскрыть события с совершенно иных ракурсов.

Список литературы

1. Введение в литературоведение /Под ред. Г.Н. Поспелова. – М., 1988. – 236 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 75 с.
3. Есин А.Б. Психологизм. //Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я. и др; Под ред. Чернец Л.В. – М.: В.Ш., 2004. – 240 с.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс //Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. /пер. с франц. – М., 1998. – Т. 2. – С. 62-64
5. Ильин И.П. Нарративная типология // Современное зарубежное литературоведение. – С. 67-68.
6. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX XX вв. – М., 1994.
7. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М., 1972. – С. 33-34.
8. Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов //Проблемы истории критики и поэтики реализма. – Куйбышев, 1981. – С. 42-66.
9. Сапогов В.А. Повествование //Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 280-286.
10. Тмарченко Н.Д. Акт рассказывания: повествователь, рассказчик, образ автора //Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я. и др; Под ред. Чернец Л.В. – М.: В.Ш., 2004. – С.300-310.
11. Тмарченко Н.Д. Повествование в ряду композиционно-речевых форм // Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я. и др; Под ред. Чернец Л.В. – М.: В.Ш., 2004. – С. 339-348.
12. Толстой Л.Н. Полн. Собр. Соч.: В 90 т. – М., 1951. – Т. 30. – С. 19.
13. Уоррен О., Уэллек Р. Теория литературы. – М., 1978. – С. 239-240.
14. Чудаков А.П. Повествование //Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. – Т.5. – Стб. – 813 с.
15. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 11-13.

Художественная литература:

16. Халилов Т. Биринджи кьар (Первый снег): Повести и рассказы. – Т.: Издательство литературы и искусства, 1987. – 160 с.

Джемилева А.А. Типи оповідання в сучасній кримськотатарській розповіді

У статті позглянуто проблему розповіді, типи розповіді та їх вираження у малій епічній формі. На матеріалі оповідань сучасного кримськотатарського письменника Таїра Халілова «Фесильген кьокьусь» («Запах базилика») і «Чал атым» (Мій чалий кінь») зроблено спробу осмислення типів розповіді.

Ключові слова: розповідь, типи розповіді, розповідач, оповідач, автор, перша особа, третя особа.

Djemileva A.A. Types of narration in the modern Crimean Tatar story

The article deals with the problem of narration, types of narration and their revealing in minor epic forms. It is based on short stories of the modern Crimean Tatar writer Tair Khalilov "Fesigen kokusi" ("The Scent of balzic"), "Chal atim" ("My Grey Horse"). It is tried to interpret the types of narration.

Key words: narration, types of narration, narrator, reteller, author, narration from the first person, narration from the third person.